

кович хотел показать, что нельзя сводить идеи первых сатир Кантемира к защите интересов небольшого кружка, что две самые сильные, пронизанные современностью и пафосом борьбы сатиры были личным подвигом молодого автора: поддержка Феофана пришла в то время, когда «сильных глупцов нравы» уже не были так опасны. З. И. Гершкович признает, что принимать на веру слова: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый», никак нельзя, ибо и стихи, и книга в подарок были направлены по определенному адресу; но весь рассказ Кантемира в предисловии к I сатире сомнений у него не вызывает.

Действительно ли Кантемир вошел в «ученую дружину» лишь после 1730 года? С этим связан и другой вопрос — существовала ли вообще эта «дружина» до того времени, когда Феофан узнал о Кантемире? З. И. Гершкович склонен к отрицательному ответу из-за полного отсутствия фактов, говорящих о связях тех людей, которых обычно называют «ученой дружиной»: Ф. Прокоповича, Татищева и Кантемира. Разумеется, если членов кружка было всего трое, то выпадение одного участника механически ведет за собой разрушение «дружины», и тогда несомненно имевшие место встречи и споры Прокоповича с Татищевым, вроде разногласия по поводу «Песни песней», представляются случайными.

Ответить прямо на первый вопрос возможности нет. Из биографий Кантемира и Феофана сделать вывод об их знакомстве до 1730 года нельзя, из стихотворной переписки, относящейся к апрелю—декабрю этого года, — также. Калайдович, напечатавший «Речь к Анне Иоанновне» в 1823 году, указывал, что у него сгорела рукопись с их стихотворной перепиской.²⁰ Разумеется, здесь были неизвестные произведения, иначе Калайдович не стал бы жалеть, что вовремя их не напечатал; но, во-первых, к тому времени неизвестными оставались еще элегия Феофана и «Эпод» Кантемира, напечатанные лишь в 1863 году, во-вторых, если переписка и не ограничивалась пятью обычно приводимыми произведениями, то ничего нельзя сказать о времени ее. Входящая в состав Курбатовской рукописи эпиграмма «На Феофана и Феофила», если доверять указанию Кантемира, написана после I и II сатир.

И все же З. И. Гершкович учитывает не все. Предполагать знакомство Феофана с Кантемиром еще в 1727—1729 годы можно уже потому, что выделявшийся своей ученостью архиепископ Новгородский не мог не заметить молодого, но уже хорошо образованного ученика Байера и Гросса, с которыми он был близко связан, а главное, автора напечатанной в 1727 году «Симфонии на

²⁰ К. Калайдович. Сочинения в стихах и прозе. «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», ч. III, М., 1823, стр. 106.